

вали очень неприятное ощущение: имъ казалось, что какой-то разнузданный демонъ вырвался внезапно на волю. Взрыву обыкновенно предшествовать глухой ропотъ и шелестъ, длившійся нѣсколько минутъ постѣ того, какъ замолкнетъ звукъ колокола, — затѣмъ дверь за дверью раскрывались и толпы мальчишекъ съ дикими и радостными воплями вылетали изъ классовъ и опрометью бѣжали по лѣстницѣ.

Послѣ того, въ продолженіе получаса, школа представляла собой вавилонское столпотвореніе: крики, свистки, народныя пѣсни, драки и потасовки, и непрерывный топотъ ногъ. Все это длилось не очень долго, но затихало постепенно: сначала пѣсни и свистки становились все слабѣе и слабѣе, все одиночійе и явственнѣе, топотъ ногъ и перекликающіеся голоса мало-по-малу замирали, суматоха прекращалась и робкое безмолвіе водворялось снова, прерываемое лишь торопливymi шагами провинившихся школьниковъ, отправлявшихся въ карцеръ, медленной поступью расходившихся учителей и щетками старыхъ служанокъ, подметавшихъ полъ.

Какъ разъ такую сцену застаемъ мы въ тотъ моментъ, какъ начинается наша исторія. Толпа мальчишекъ съ блестящими, черными рамками выпала изъ воротъ и смѣшалась съ большимъ людскимъ потокомъ.

Въ центрѣ главнаго корридора, о которомъ я уже упоминалъ, находилась „Терція“, большая, квадратная комната съ грязными, оштукатуренными и выкрашенными свѣтлой краской стѣнами, высокими окнами и небольшимъ, закапаннымъ чернилами, письменнымъ столомъ, окруженнымъ съ трехъ сторонъ рядами школьныхъ столовъ и лавокъ. Вдоль стѣнъ шли черныя доски исписанныя цифрами, и стояла большая четырехугольная печь въ углу.

Единственное лицо, находившееся теперь въ этой комнатѣ, былъ Маркъ Ашбернъ, классный наставникъ, да и онъ готовился оставить ее, такъ какъ отъ спертaго воздуха и постоянного напряженія, съ какимъ онъ удерживалъ весь день порядокъ въ классѣ, у него разболѣлась голова. Онъ хотѣлъ, прежде чѣмъ идти домой, просмотрѣть для развлечения какой-нибудь журналъ или поболтать въ учительской комнатѣ.

Маркъ Ашбернъ былъ молодой человѣкъ, — моложе его, кажется, и не было среди учителей, — и рѣшительно самый изъ нихъ красивый. Онъ былъ высокъ и строенъ, съ черными волосами и краснорѣчивыми темными глазами, имѣвшими способность выражать гораздо больше того, что онъ чувствовалъ. Вотъ, напримеръ, въ настоящую минуту sentimentalный наблюдатель не-